

социальной группы населения. Это понимают и сами авторы статьи, весьма ценным методическим нюансом работы которых является то, что они использовали для построения ЛСД дескрипторы (шкалы), выделенные методом триадического выбора при сопоставлении политических лидеров именно на этой популяции испытуемых. Авторы статьи как бы «вслушались в речь» политологов и на ее основе построили специфичный вариант ЛСД. Однако пафос нашей заметки состоит в другом: нет некоего универсального семантического, семантико-личностного или семантико-политологического пространства; под каждую новую задачу необходимо строить новые семантические пространства, специфичные именно для категоризации данной реальности. Не семантическое пространство как некое вместилище наполняется объектами, а в зависимости от наличных объектов через возможные линии оппозиций и противопоставлений, осуществляемых испытуемыми (анализ через синтез), порождается само пространство. Оно-то и характеризует специфику категоризации данной содержательной области и данной группы — социальной, национальной или профессиональной.

Этот пафос заметнее при оценке второй части работы Дубова и Пантисеева, где они дают описание личностных качеств, присущих ролевым позициям: аппаратчика (сдержанный и осторожный), парламентария (отличающийся высокой культурой, сдержанный и обаятельный), демократа (бесхитростный и порядочный), консерватора (ограниченный и лишенный внешнего обаяния) и т. д. При рассмотренных выше ограничениях на универсальность семантического пространства последнее обладает меньшей вариативностью для различных групп населения, так как склейки качеств в факторы определяются внутренним языком — «имплицитной моделью личности», присущей испытуемому. Независимо от того, насколько «хорош» или «плох» объект оценки, группировка качеств в факторы будет обусловлена «внутренним языком» или имплицитной моделью личности испытуемого. Сами оценки объектов — в нашем случае ролевых позиций аппаратчика, демократа, парламентария — характеризуются значительно большей вариативностью для групп людей различных политических ориентаций. Мы знаем высказывания о «так называемых демократах», не говоря уже об оценках деятельности «парламентариев». И вряд ли представители неокommunistов или национал-патриотов согласятся с приведенными выше высокими оценками образов демократов. В том-то и дело, что политологи как профессионалы должны давать экспертную оценку политической жизни по принципу «если а, то б», описывать, предсказывать поведение различных социальных групп и даже моделировать возможные оценки тех или иных событий, политических деятелей, — но не презентировать собственную оценку как некую объективную реальность. Последнее, конечно, упрек не политологам, а авторам статьи, поставившим их в позицию эксперта в области психологии личности.

Полученные результаты, безусловно, дают интересный материал, но характеризующий скорее менталитет самих политологов-россиян середины 1991 г. Мы живем в плюралистическом мире, и необходимо познавать его во всей его многомерности, чтобы не вернуться вспять к социальному мифотворчеству.

В. Ф. Петренко

Этнопсихология

© 1992 г.

В. П. Левкович, Л. Д. Кузмицкайте

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ПОДРОСТКА В СЕМЬЕ

Приводятся результаты теоретико-эмпирического исследования роли семьи в формировании этнического сознания подростков. На основе полученных данных анализируется влияние уровня авторитета родителей и особенностей их отношения к детям на специфику этнических гетеростереотипов и этнической идентификации подростков.

Ключевые слова: этническое сознание, гетеростереотипы, идентификация, родительский авторитет.

В системе разнообразных общественных групп и социальных институтов, оказывающих постоянное воздействие на формирование личности ребенка, его сознания и самосознания, важная роль принадлежит семье с ее особой, неповторимой морально-психологической атмосферой и спецификой межличностных взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, детьми разных возрастов и т. д. Своеобразие психологического климата семьи в свою очередь определяется взаимодействием ряда факторов: материальными условиями семьи, уровнем образования ее членов, особенностями их нравственных ценностей, национальными традициями и т. д.

В настоящей статье представлены результаты социально-психологического исследования влияния семьи на формирование этнических стереотипов и этнической идентификации подростков. Была предпринята попытка проследить в этом процессе значение таких факторов, как отношение родителей к подростку и их авторитет. Данное исследование позволяет расширить границы эмпирического изучения этнических стереотипов, которое в отечественной науке осуществлялось преимущественно в работах этносоциологов [1, 2, 6, 7].

Основная гипотеза: выдвигается предположение, что этнические стереотипы подростков формируются под влиянием стереотипов, преобладающих в семье.

Частные гипотезы:

1. Степень влияния этнического стереотипа каждого из родителей на этнический стереотип подростка зависит от уровня их авторитета.
2. Степень совпадения этнических стереотипов родителей и подростков обусловлена типом отношения родителей к ребенку.
3. Этническая идентификация подростков в разнонациональных семьях зависит от уровня авторитета родителей.

МЕТОДИКА

Эмпирические исследования, посвященные изучению возрастных этапов осознания детьми их этнической принадлежности, формирования этнических предпочтений и стереотипов [10, 11], показывают, что именно в подростковом

возрасте происходит особенно интенсивное развитие этнического сознания, в частности, такого его компонента, как этнический стереотип различной оценочной модальности. Это обстоятельство и определило выбор семей с детьми в возрасте 14—15 лет.

Исследование проводилось в 1989—1990 гг. в Вильнюсе. В нем участвовало 40 однонациональных (белорусских, еврейских, литовских, польских и русских), а также 40 разнонациональных семей (русско-литовских, русско-украинских, русско-еврейских, русско-польских, литовско-польских и др.).

Использовались следующие методики: опросник для установления уровня авторитетности у подростков их ближайшего окружения (родителей, родственников, друзей, одноклассников и т. д.), предложенный В. П. Левкович; модифицированный вариант оценки индекса включенности в иноэтнические контакты, разработанный в Институте антропологии и этнологии РАН; опросник для выявления типа родительско-детских отношений по модели Е. Шефера (Shefer); модифицированный вариант шкалы социальных дистанций Е. Богардуса (Bogardus); методика Д. Катца (Katz) и К. В. Брели (Braly); свободная беседа с родителями и подростками.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ этнических автостереотипов, т. е. представлений о своей этнической группе в однонациональных и разнонациональных семьях, показал, что оценка собственной этнической группы у родителей и детей была только позитивной. Таким образом, совпадение в нашей выборке этнических автостереотипов взрослых и подростков можно объяснить преобладанием у них тенденции к благоприятной оценке этнических групп, к которым они принадлежали. Вместе с тем гетеростереотипы, т. е. представления об иноэтнических группах, в отличие от автостереотипов испытуемых данной выборки были как позитивной, так и негативной направленности.

Согласно нашей гипотезе, одним из факторов, влияющих на направленность гетеростереотипов подростков, является уровень авторитета родителей. В целях выяснения вопроса о его роли в совпадении гетеростереотипов родителей и детей все семьи были разделены на две группы.

В группу 1 вошли семьи, в которых либо каждый из родителей имел высокий авторитет у подростков, либо один — высокий, другой — средний. В семьях группы 2 родители обладали низким уровнем авторитета у подростков.

Анализ полученных данных позволяет выявить общую тенденцию процесса воздействия родительского авторитета на совпадение гетеростереотипов родителей и подростков. В группе 1 при высоком и среднем уровнях авторитета родителей число совпадений направленности гетеростереотипов значительно превышало количество их несовпадений. При совпадении направленности гетеростереотипов обоих родителей подростки воспроизводили в основном их эмоционально-ценностное отношение к той или иной этнической группе.

В тех семьях, где этностереотипы матери и отца не были идентичными, гетеростереотипы подростка формировались под влиянием наиболее авторитетного из родителей.

В группе 2, где каждый из родителей имел низкий уровень авторитета у подростка, а семья в большинстве случаев переставала выполнять для него функцию референтной группы, выявлялась устойчивая тенденция снижения числа совпадений гетеростереотипов. Так, при негативном отношении одного или обоих родителей к какой-либо этнической группе подросток часто выражал позитивное к ней отношение, и наоборот. В семьях, где супруги стремились к общению с представителями только своей национальности, у детей наблюдалась склонность к установлению доброжелательных отношений с людьми других национальностей. Результаты обследования родителей и подростков по модифицированному варианту шкалы социальных дистанций Богардуса, сопоставленные с данными, полученными при изучении уровня авторитета родителей, подтвердили влияние уровня родительского авторитета на совпадение (несовпадение) наиболее приемлемых форм контактов с представителями иноэтнических групп у родителей и детей (табл. 1).

Таблица 1

Влияние родительского авторитета на совпадение (несовпадение) у родителей и подростков наиболее приемлемых социальных контактов с представителями иноэтнических групп (в %)

Уровень родительского авторитета	Формы социальных контактов с представителями иноэтнических групп	
	совпадают	не совпадают
Высокий	71	29
Средний	69	31
Низкий	19	81

Таблица 2

Влияние родительского авторитета на совпадение (несовпадение) этнических гетеростереотипов родителей и подростков (в %)

Уровень родительского авторитета	Совпадают			Не совпадают
	всего	позитивные	негативные	
Высокий	81,2	53,1	28,1	18,8
Средний	60,6	41,7	18,9	39,4
Низкий	30,5	20,5	10,0	69,5

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод, подтверждающий первую гипотезу. Результаты исследования показали, что на формирование гетеростереотипов подростков существенно влияет уровень родительского авторитета: чем он выше, тем больше степень совпадения их гетеростереотипов — как позитивно, так и негативно направленных (табл. 2).

Влияние родительского авторитета на усвоение подростками норм и ценностей, преобладающих в семье, в том числе и норм, регулирующих взаимодействия с представителями других этнических групп, во многом зависит от суггестивного воздействия родителей на подростка: оно увеличивает возможность подражания положительным или отрицательным образцам поведения родителей, а также восприятия их социальных установок и отношений. При высоком уровне авторитета родителей на фоне недостаточной сформированности у подростков критического мышления происходит, как правило, автоматическое усвоение ими различных по оценочной модальности этнических гетеростереотипов родителей. В таких случаях высокий авторитет родителей может способствовать формированию у молодежи либо позитивных установок по отношению к представителям иноэтнических групп (при условии преобладания у родителей положительных гетеростереотипов), либо этнических предрассудков (под влиянием отрицательных гетеростереотипов родителей).

На фоне выявленной в исследовании общей тенденции обнаружен ряд исключений, которые необходимо интерпретировать. Например, согласно полученным данным, при высоком и среднем уровнях авторитета родителей в некоторых семьях наблюдалось несовпадение гетеростереотипов родителей и детей, а при низком уровне — их полная идентичность (см. табл. 2).

Родительский авторитет лишь один из факторов, влияющих на содержание гетеростереотипов подростка в семье. Важным условием формирования их направленности является тип отношения родителей к детям, рассмотренный с точки зрения форм контроля за подростком и специфики их эмоционального взаимодействия. Отношения родителей к подростку рассматривались нами на основе известной модели Шефера, позволяющей описать их в двухмерной системе координат с осями «любовь — враждебность» и «автономия — контроль», харак-

теризующими специфику эмоционального отношения родителей к подростку и тип контроля за его поведением.

Любовь (принятие) можно представить как понимание родителями внутреннего мира подростка, поощрение его самостоятельности и инициативы, уважение личности, толерантность к индивидуальным особенностям.

Враждебность (непринятие) рассматривалась нами как непонимание родителями внутреннего мира подростка, неуважительное отношение к нему, пренебрежение его потребностями и интересами, недоброжелательность, интолерантность к индивидуальным особенностям.

В результате соотнесения эмоциональных свойств отношения родителей к подростку с формами контроля за его поведением по модели Шефера были получены четыре типа отношений:

1. «Любовь—контроль» — гипертрофированная любовь родителей, сочетающаяся с жесткой регламентацией всех сфер жизнедеятельности подростка и чрезмерной опекой (гиперопека).

2. «Любовь—автономия» — демократический тип отношения, где доброжелательность и уважение к подростку сочетаются с поощрением самостоятельности и инициативы.

3. «Враждебность—контроль» — авторитарный тип отношения родителей к подростку, при котором непонимание его внутреннего мира и интолерантность к индивидуальным особенностям сочетаются не только с жесткими формами контроля, но и с постоянными, нередко жестокими наказаниями.

4. «Враждебность—автономия» — холодное, равнодушное отношение родителей к подростку, отсутствие интереса к его внутреннему миру, связанные с бесконтрольностью и вседозволенностью.

Все вошедшие в нашу выборку семьи были распределены в данные четыре группы в соответствии с преобладающим у них типом отношения родителей к подростку. Измерение количества совпадений (несовпадений) родительских и детских гетеростереотипов в каждой группе семей позволяло сопоставлять тип отношений родителей к подростку с числом совпадения (несовпадения) их гетеростереотипов. Выявлены следующие тенденции:

1. В семьях с преобладанием у обоих родителей отношения к подростку типа «любовь—контроль» (гиперопека), при идентичности гетеростереотипов матери и отца наблюдался высокий уровень совпадения гетеростереотипов родителей и детей (87,5%). Это связано с тем, что жесткий контроль, стремление решить за подростка все проблемы лишали его инициативы, способствовали некритичному воспроизведению установок и ценностей родителей. В этой группе родители имели высокий авторитет у подростков, что создавало дополнительную возможность увеличения числа совпадений гетеростереотипов за счет копирования подростками позитивных или негативных установок родителей по отношению к иноэтническим группам.

При расхождении направленности гетеростереотипов матери и отца подростки воспроизводили этностереотип наиболее авторитетного из родителей. Из бесед с подростками было выяснено, что их отношение к иноэтническим группам формируется под влиянием мнений обоих родителей или наиболее авторитетного из них.

Вместе с тем у небольшой группы подростков (12,5%) отмечено несовпадение их гетеростереотипов с гетеростереотипами родителей. Согласно полученным данным, причины этих расхождений в нашей выборке заключались, во-первых, в различии типов отношений к подростку, например, когда гиперопека наблюдалась лишь у одного из родителей; во-вторых, в стремлении подростков избавиться от неумеренного контроля и опеки, что нередко приводило к формированию у них противоположных гетеростереотипов.

2. В семьях, где у каждого из родителей преобладало отношение к подростку типа «любовь—автономия» (демократический тип), в нашей выборке было обнаружено приблизительно равное число совпадений (55%) и несовпадений (45%)

гетеростереотипов родителей и подростков при наличии в обоих случаях высокого и среднего уровней авторитета родителей. Данные, полученные из бесед с родителями и детьми, показали, что в случаях совпадения гетеростереотипов родительский авторитет не оказывал на гетеростереотип подростка непосредственного и решающего влияния: собственные представления подростка об этнических группах складывались достаточно самостоятельно. Большинство подростков в ответах на вопрос о том, как у них сложилось именно такое представление о различных иноэтнических группах, ссылались либо исключительно на собственное мнение о них, либо последнее было приоритетным по отношению к мнению родителей.

Высокий авторитет родителей не мешал подросткам формировать собственное мнение об иноэтнических группах на основе личного опыта взаимодействия с их представителями. Родители не оказывали давления на подростков и лояльно относились к их этническим предпочтениям.

3. В семьях с преобладанием у обоих родителей отношения к подростку типа «враждебность—контроль» (авторитарный тип) совпадение (65,3%) и несовпадение (34,7%) гетеростереотипов родителей и подростков зафиксировано на фоне низкого уровня авторитета матери и отца. В группе, где наблюдалось совпадение гетеростереотипов, данные, полученные из бесед с подростками, показывают, что их отношение к различным этническим группам сформировалось в основном под непосредственным влиянием мнений родителей об этих группах.

Факт совпадения гетеростереотипов при низком уровне авторитета обоих родителей в данном типе семей можно объяснить, во-первых, страхом подростка, который он испытывает под влиянием частых наказаний и жестких форм контроля со стороны родителей; во-вторых, недостаточно развитой его самостоятельностью и несформированностью собственных мнений и оценок, что нередко наблюдается при авторитарном типе отношения родителей к детям [4].

Выявленное при данном типе отношений несовпадение гетеростереотипов родителей и подростков может быть объяснено: а) тем, что жесткий контроль со стороны родителей вызывал у части подростков сопротивление не только их методам воспитательного воздействия, но и нормам, ценностям, в частности этническим предпочтениям; б) асимметрией типов отношений к подростку в супружеской паре; в) наличием у подростка разного уровня авторитета родителей, например низкого и среднего. В этом случае подросток воспроизводил гетеростереотипы более авторитетного из родителей.

4. В семьях с преобладанием у обоих родителей отношения к подростку типа «враждебность—автономия» наблюдался высокий уровень несовпадений гетеростереотипов взрослых и детей (81,9%). В исследованиях отечественных и зарубежных психологов установлено, что в подобных семьях, для которых характерны безразличие к ребенку, отсутствие заинтересованности и внимания к нему, формируются негативные межличностные отношения между детьми и родителями, что находит выражение во взаимном недовольстве, обидах, недоверии, неуважении и т. д. [4, 12].

Результаты нашего исследования показали, что в этих семьях гетеростереотипы подростков возникают либо на основе их личного опыта общения с представителями иноэтнических групп и полностью автономны от гетеростереотипов родителей, либо формируются по принципу «от противного», являясь антиподом последних.

Идентичные гетеростереотипы родителей и детей составляют в этой группе 18,1% и встречаются либо при случайных совпадениях их отношения к иноэтническим группам, сформировавшегося на основе личного опыта, независимо друг от друга, либо в тех случаях, когда отношение к ребенку типа «враждебность—автономия» преобладает у одного из родителей.

Итак, рассмотренные выше типы отношения родителей к подростку по нашим данным заметно влияют на совпадение (несовпадение) их гетеростереотипов.

Результаты исследования также свидетельствуют о том, что семья влияет не только на этническое сознание подростков, но и на их этническое самосознание,

в частности на особенности этнической идентификации. Выбор подростками национальной принадлежности изучался нами в разнонациональных семьях, создающих альтернативные возможности в процессе этнической идентификации.

Значительную роль в отнесении себя к той или иной национальности играет для подростка уровень авторитета родителей: 64,3% испытуемых выбирали национальность наиболее авторитетного из них. Данные, полученные по методу Катца и Брели, говорят о том, что некоторые позитивные качества, которыми подростки наделяют наиболее авторитетного из родителей, переносятся также и на этническую группу, к которой тот принадлежит. Позитивная оценка родителя и его этнической группы в этом случае является для подростка условием обоснования его этнической идентификации, выбора определенной национальности. Исследование показало, что влияние авторитета родителей на выбор национальной принадлежности особенно четко прослеживается в семьях с преобладанием отношения к подростку типа «любовь—контроль» и «любовь—автономия». Здесь наблюдались высокий и средний уровни авторитета родителей.

У некоторых испытуемых (17,5%) выбор национальности был основан не на уровне авторитета родителей, а на их принадлежности к наиболее многочисленным в Литве этническим группам: литовцам, русским, полякам. В этом случае подростки выбирали национальность того из родителей, который принадлежал к одной из этих основных групп независимо от уровня его авторитетности для подростка. Например, в смешанных русско-еврейских, русско-белорусских, польско-белорусских и других семьях, где один из родителей был представителем группы этнического большинства в регионе, подростки выбирали его национальность, несмотря на то, что его авторитет у них был ниже, чем у другого из родителей, принадлежащего к группе этнического меньшинства.

Было установлено, что в процессе идентификации подростков с определенной этнической общностью важен и язык обучения в школе: у 18,2% испытуемых он стал решающим моментом при выборе национальной принадлежности. Например, в ряде случаев подростки из смешанных русско-литовских и русско-польских семей, обучающиеся в русской школе, выбирали для себя национальность «русский» несмотря на то, что в этих семьях родители русской национальности пользовались у них значительно меньшим авторитетом, чем родители, являющиеся представителями литовской и польской национальностей. Беседа с подростками показала, что в основе их этнической идентификации в этом случае лежит не национальность наиболее авторитетного из родителей, а язык обучения в школе, который служил решающим фактором в этнической идентификации.

В исследовании был выявлен также феномен выбора подростками так называемой «третьей национальности», суть которого заключалась в том, что часть подростков в нашей выборке, обучающихся в русской школе, считали себя русскими несмотря на то, что не только их родители, но и ближайшие предки не были представителями русской национальности.

Таким образом, в разнонациональных семьях, где проблема выбора этнической принадлежности является для подростков более сложной, чем в семьях однонациональных, язык обучения в школе нередко становится для них одним из существенных этноопределяющих элементов духовной культуры, влияющих на этническую идентификацию.

Полученные данные позволяют уточнить выдвинутые нами гипотезы:

1. Установлено, что влияние родительского авторитета на совпадение (несовпадение) гетеростерестипов родителей и подростков происходит не изолированно, а в системе разнообразных семейных воздействий. Результаты исследования свидетельствуют о том, что уровень авторитета родителей в значительной степени зависит от типа их отношения к подростку. В семьях, где у матери и отца наблюдалось отношение к подростку типа «любовь—контроль» (гиперопека), преобладали высокий и средний уровни авторитета (87,5%). В семьях с отношением к подростку типа «любовь—автономия» (демократический тип) наблюдался только высокий уровень авторитета родителей (100%). При отношении к

подростку типа «враждебность—контроль» (авторитарный тип) и «враждебность—автономия» преобладал низкий уровень авторитета родителей. Таким образом, при эмоционально-теплом отношении к подросткам родители пользуются у них более высоким авторитетом, чем при эмоционально-холодном отношении. Кроме того, уровень авторитета влияет на степень совпадения (несовпадения) гетеростереотипов не непосредственно, а опосредованно, через специфику их отношения к детям. Например, в семьях с преобладанием демократического типа отношения к подростку при высоком уровне авторитета родителей обнаружено приблизительно равное число совпадений (55%) и несовпадений (45%) гетеростереотипов. Можно предположить, что данный тип отношения к подростку влияет на формирование его активной жизненной позиции, выражающейся, в частности, в способности создавать и отстаивать собственное мнение о различных иноэтнических группах.

В то же время наличие низкого авторитета родителей автоматически не влечет за собой несовпадения гетеростереотипов родителей и подростков. Так, при авторитарном типе отношения к подростку на фоне низкого авторитета родителей совпадение гетеростереотипов составляет в нашей выборке 65,3%, а несовпадение — 34,7%. Большое число совпадений родительских и детских гетеростереотипов в данном случае можно объяснить неразвитостью у подростков собственного мнения об иноэтнических группах и заменой его мнениями и оценками родителей.

2. Полученные данные свидетельствуют о том, что семейные воздействия, в частности уровень авторитета родителей и тип их отношения к подростку, влияют не только на число совпадений (несовпадений) этностереотипов родителей и детей, но и на особенности обоснований подростками специфики их гетеростереотипов. В семьях с большим количеством совпадений гетеростереотипов при различных типах отношения родителей к подростку (гиперопека, демократический и авторитарный типы) подростки по-разному обосновывали направленность своих гетеростереотипов. Например, при отношении к подросткам типа «любовь—контроль» и преобладании высокого и среднего уровней авторитета родителей, а также при авторитарном типе отношения подростки объясняли свое отношение к иноэтническим группам, основываясь на мнении родителей, а при демократическом типе отношения родителей в сочетании с высоким уровнем их авторитета — собственным мнением об этих группах.

3. Результаты исследования показали, что особенности гетеростереотипов подростков не всегда можно однозначно объяснить спецификой семейных воздействий. В семьях с жесткими формами контроля («любовь—контроль», «враждебность—контроль») большинство подростков воспроизводят гетеростереотипы родителей, однако у некоторых из них формируется противоположное отношение к иноэтническим группам несмотря на давление со стороны родителей. При гиперопеке несовпадение гетеростереотипов родителей и детей составляет 12,5%, при авторитарном типе отношения — 34,7%. Собственные позиции подростков в сфере этнических предпочтений в указанных случаях вырабатывались как протест против чрезмерной опеки и излишне жестких форм контроля со стороны родителей.

4. Полученные в исследовании данные подтвердили третью гипотезу о влиянии авторитета родителей на этническую идентификацию подростков в разнонациональных семьях. Несмотря на то что большая часть испытуемых (64,3%) выбирала для себя национальность наиболее авторитетного из родителей, тем не менее их авторитет был лишь одним из факторов, определяющих выбор подростками своей национальной принадлежности. Не менее важную роль в этом процессе играли такие моменты, как стремление подростков принадлежать к одной из групп этнического большинства в регионе, а также язык обучения в школе, выполняющий для подростков в разнонациональных семьях этнодифференцирующую функцию.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что совпадение (несовпадение) гетеростереотипов родителей и детей обусловлено не только

спецификой семейных воздействий на подростка, в частности не только типом отношения родителей к нему и уровнем их авторитета, но и особенностями личности самого подростка, его мотивов, степенью самостоятельности и активности в процессе формирования этнических предпочтений и собственных оценок ино-этнических групп.

Учитывая недостатки научной ориентации, при которой подросток рассматривается лишь как объект семейных воздействий, специалистам необходимо уделять более пристальное внимание личности подростка в социально-психологических исследованиях, в частности при изучении этнического сознания и самосознания молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. Г. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура//Советская этнография. 1985. № 2. С. 36—45.
2. Дробужева Л. М. Духовная общность народов СССР. М., 1981.
3. Кцоева Г. У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов//Психол. журн. 1982. № 2. С. 41—50.
4. Левкович В. П. Психология семейного воспитания//Психол. журн. 1981. № 6. С. 107—117.
5. Петренко В. Ф., Алиева Л. А. Исследование этнических стереотипов с использованием методики «множественных идентификаций»//Психол. журн. 1987. № 6. С. 133—139.
6. Социальный и культурный облик советских наций. М., 1986.
7. Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. М., 1987.
8. Bloke W., Dennis W. Development of stereotypes concerning the Negro//J. abnormal Soc. Psychol. 1943. V. 38. № 4. P. 525—531.
9. Kloskowska A. National concepts and attitudes of children in a middle-sized city in Polish western territories//Polish sociological bull. 1961.
10. Tajfel H. Human groups and social categories: studies in social psychology. Cambridge, 1981.
11. Walters J., Stinnett N. Parental child relationships: a decade review of research//J. marriage and the family. 1971. № 1. P. 70—111.

Психофизиология

© 1992 г.

Д. В. Колесов, Е. Н. Соколов

О ПСИХОФИЗИОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

Основной характеристикой творчества является создание новых комбинаций, образов и идей из элементов, удерживаемых долговременной памятью. Возникает проблема выделения новых комбинаций из всего содержания памяти. Предлагается модель идентификации новых комбинаций элементов субъективного опыта, согласно которой это достигается при участии механизма, используемого для детектирования новизны внешних событий. Детекторами новизны внешних событий являются нейроны гиппокампа. Предполагается, что эти нейроны образуют механизм, который подчеркивает новые комбинации прошлого опыта. Детекторы новизны гиппокампа ответственны за ориентировочный рефлекс, вызываемый новыми стимулами. С этой точки зрения механизм детекции новизны при возникновении новых комбинаций прошлого опыта в условиях постоянного окружения запускает спонтанные ориентировочные реакции. Возникновение новых комбинаций прошлого опыта достигается в ходе целенаправленного поиска. Этот целенаправленный внутренний поиск, аналогичный целенаправленному внешнему поведению, осуществляется при помощи механизма доминантного фокуса. Интеграция механизма доминантного фокуса и механизма детекции новизны образует психофизиологическую основу творчества.

Ключевые слова: творчество, детекция новизны, ориентировочный рефлекс.

Основополагающая характеристика творчества — создание нового. В зависимости от области проявления различают художественное, техническое и научное творчество. Нашей задачей является рассмотрение механизмов, общих для различных его форм.

Творческий процесс побуждается потребностью в создании нового, которую следует рассматривать как определенный (высокий) уровень развития базисной потребности в новой информации. Получение новой информации достигается в ходе ориентировочно-исследовательской деятельности. Специфическая потребность в получении информации, отличная от «витальных» потребностей, отчетливо выявляется в наблюдениях за детьми различного возраста, в опытах на животных. Потребность в новой информации (новых сигналах) обладает высоким эмоциональным эффектом, конкурируя с таким эмоционально сильным (насыщенным) безусловным рефлексом, как оборонительный. Так, крысы, отделенные от части территории преградой, через которую пропускался ток, вызывающий болевые реакции, все же стремятся преодолеть барьер и исследовать новую территорию [3].

Ориентировочный рефлекс обладает собственным подкрепляющим эффектом. Обезьяна, помещенная в изолированную кабину, могла по условному сигналу